

Д.О. Саймондс

Ландшафт и архитектура

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 72
ББК 85.11
Д11

Д11 **Д.О. Саймондс**
Ландшафт и архитектура / Д.О. Саймондс – М.: Книга по Требованию, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-458-53327-0

ISBN 978-5-458-53327-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Эта книга предназначена для архитекторов, ландшафтных архитекторов и планировщиков, хотя и не исключительно для них; она адресована каждому, чьей задачей может оказаться проектирование сооружения, сада, парка, города или любого другого объекта в безграничном ландшафте.

Но, начнем сначала...

Несколько лет назад покойный Джон Нокс Шнар, глава факультета архитектуры при Карнегском техническом институте, предложил автору книги разработать новый курс для студентов-архитекторов и вести его. По словам Шнара, этот курс должен был «извлечь из области ландшафтной архитектуры те факты, идеи и принципы, которые имеют наибольшую ценность для архитекторов, как в их образовании, так и позднее в их профессиональной работе».

Составленный курс, к счастью, был хорошо принят и скоро распространялся на второй семестр, что позволяло расширить его с целью включить все наиболее интересное для проектировщиков города и района.

Годы шли, и материалы для лекций разрастались. Сотни рисунков и чертежей были набросаны про запас, а иллюстрации были вставлены в записи, «как сливы в пудинг». Без всякого особого намерения возникла книга, но еще не окончательно. Ибо книга, как мне сказали издатели, должна быть более сжатой и взаимосвязанной, чем серия записей лекций. И тогда все было тщательно переработано — сокращено и перегруппировано, что обеспечило более привлекательную и рациональную форму. В итоге книга содержит меньше зелени и больше плодов.

Книга *«Ландшафт и архитектура»* предназначена удовлетворить запросы в такой работе, которая охватила бы в общих чертах процесс ландшафтного проектирования — от выбора участка до завершенного проекта в простом, ясном и практичном изложении.

Книга знакомит нас с *формами и особенностями* естественного и искусственного ландшафта и с *воздействием стихийных сил*;

в ней анализируются *участок и принципы планировки*;

разбираются вопросы проектирования *реальных* и хорошо связанных между собой *функциональных зон*;

показывается организация *ландшафтных пространств* с точки зрения их использования, их формы, материалов и цвета;

рассматривается проектирование оптимального *соотношения сооружения с участком*; проектирование сооружений и пространств во взаимосвязи с *пешеходным и автомобильным движением*;

пзучаются результаты исторических и современных размышлений о *композиции сооружений*;

описывается замысел *планировки населенного места* и по-новому рассматривается *город и район* с точки зрения проектирования более эффективной, более продуктивной и приятной среды, окружающей человека.

Как и следовало ожидать, эта книга о ландшафтной архитектуре многое заимствует из опыта архитекторов и градостроителей, для которых наряду с другими читателями она предназначена;

в ней рассматривается область проектирования, характерная для этих специальностей.

Совсем не предполагается, что читатель книги станет при этом ландшафтным архитектором. Как и в других отраслях, опыт в ландшафтной архитектуре приходит с долгими годами обучения, путешествий, наблюдений и профессиональной практики. Тем не менее читатель благодаря этой книге приобретет более ясное представление о том ландшафте, который его окружает, получит много полезных знаний, которые дадут ему возможность работать и проектировать в ландшафте с большей уверенностью и с лучшими результатами. Таковы наши намерения.

Жил-был на свете один охотник. С ружьем и с собакой проводил он целые дни среди широких прерий Северной Дакоты. Иногда охотника сопровождал мальчик, которого он брал с собой, уступая его просьбам. В то самое утро, зайдя далеко в прерии, охотник и мальчик присели на траву и стали пристально разглядывать склон, поднимающийся перед ними. Он весь, как оспой, был изрыт норами гофферов¹. Время от времени небольшой полосатый зверек быстро выскакивал из своей норки и исчезал в покрове спутанной степной травы; скоро зверек появлялся с оттопыривающимися защечными мешками и нырял обратно в норку.

«Ловкий маленький народец, эти гофферы, — заметил охотник. — Я имею в виду их сообразительность. Где бы ты ни наткнулся на селение гофферов, будь уверен, что оно окажется рядом с посевами, дающими им корм, а также близ ручья или болотца. Они не устроят свое селение около пня или ольховника, потому что именно там располагаются на ночлег совы и ястребы. И ты не найдешь селения гофферов около россыпей камней или вблизи скал, где могут скрываться их враги змеи. Когда этот мудрый маленький народец строит свой городок, он, чтобы норки были теплыми и уютными, разыскивает юго-восточный склон холма, заливаемый солнечным светом. Зимние бураны, которые обрушиваются с севера и запада и насквозь промораживают навстречную сторону возвышенности, только прикрывают сверху их жилища пушистым снегом».

«Когда они роют свои норки, — продолжал охотник, — знаешь, что они делают? Они направляют ход круто вниз на протяжении двух-трех футов, а затем поворачивают обратно к поверхности земли, где и выравнивают себе уютную сухую площадку. Там они и лежат под самыми корнями дерна, защищенные от ветра, обогреваемые солнцем, вблизи от корма и воды, далеко от своих врагов и в окружении своих друзей — гофферов. Да, брат, они как бы проектируют все это».

«А наш город построен на юго-восточном склоне?» — задумчиво спросил мальчик.

«Нет, — ответил охотник, — наш город обращен к северу, он расположен прямо против безжалостного зимнего ветра и холоден, как замерзший ружейный ствол». Он нахмурился. «Даже летом ветер приносит нам вред. Когда мы построили новую льнотеребилку, единственную льнотеребилку на сорок миль вокруг, как ты думаешь, где мы ее поставили? Мы поставили ее на том самом единственном месте, откуда летом любой ветерок может подхватить дым из ее трубы и загнать его в наши дома, в их открытые окна!».

«Наш город, по крайней мере, расположен вблизи реки», — возразил мальчик.

«Да, — ответил охотник, — но где именно около реки построили мы наши дома? На низком ровном берегу, в ее изгибе, вот где. И каждый год весной, когда в прериях тает снег и река поднимается, она заливают все подвалы в нашем городе».

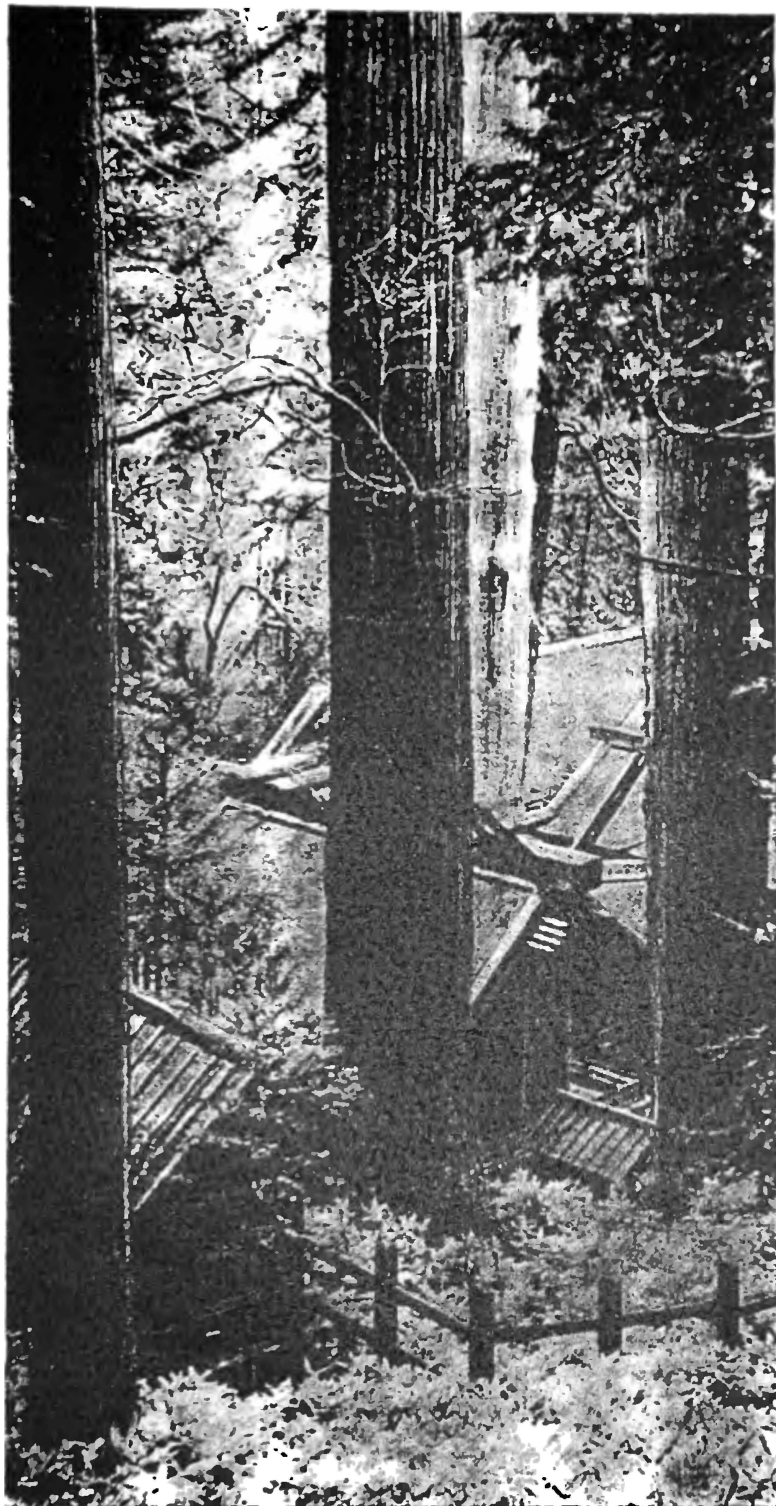
«Гофферы сделали бы все гораздо лучше», — решил мальчуган.

«Да, — ответил охотник, — гоффер был бы более находчив».

«Когда гофферы строят свои жилища и селения, — заключил философски мальчик, — они, пожалуй, делают это лучше, чем люди».

«Да, — задумчиво пробормотал охотник, — также поступает большинство зверей, насколько я знаю. Иногда я даже удивляюсь, почему бы эти?».

¹ Гоффер — мешотчатая крыса, распространенная в Северной Америке к востоку от Скалистых гор и к западу от Миссисипи. (Прим. пер.)

Эти японские жилые домики, деревянные, крытые тростяником или соломой, выглядят здесь удивительно уместно и находятся в полном соответствии с древней кедровой рощей, в которой они построены

ЧЕЛОВЕК

Фактически человек унаследовал землю. Этот обширный шар, на котором он существует, принадлежит ему; ему предстоит освоить его и усовершенствовать, установить над ним свой контроль. Несомненно, человек со своим сверкающим разумом должен был бы к настоящему моменту создать для себя рай на земле.

Сделал ли он это? Сделали ли мы это? Что мы сделали с нашим естественным наследством?

Мы разграбили наши леса.

Мы вспороли наши горы и оставили их открытыми для эрозии.

Мы осквернили наши реки настолько, что даже рыба и другая живность или гибнет, или покидает водоемы, вытесненная зловонием и дымом.

Наши дороги и пути узки, тесны и грязны, они взаимно пересекаются, образуя бессмысленные заторы.

Мы построили наши дома, наши школы, наши фабрики плотными рядами на унылых улицах, несколько не заботясь о зелени, о свежем воздухе или о солнечном свете.

Оглянувшись вокруг ясным критическим взором, мы обнаружим много такого, что беспокоит и шокирует нас. Наши затесненные шумные шоссе, расплзшиеся пригороды и перегруженные города гораздо чаще вызывают отвращение, чем вдохновляют или доставляют удовольствие.

Человек (*Homo sapiens* — мыслящий человек) является жертвой своего собственного творчества. Он душой и телом поработен той искусственной механической средой, которую он создал вокруг себя. Где-то в комплексном процессе развития своего жизненного пространства, своих городов и транспортных путей современный человек оказался настолько захвачен могуществом своих машин, настолько поглощен погоней за новой техникой строительства, настолько увлечен своими новыми конструктивными материалами, что упустил из виду самого себя. Его основные человеческие желания остаются неудовлетворенными. Оторванный от своей естественной среды, он почти забыл яркость и богатство ощущения полноты жизни и бытия, присущего здоровым животным.

Многие из современных недугов человека (гипертонии и неврозы), очевидно, представляют собой не более, чем свидетельство его сопротивления физическому окружению при все увеличивающемся разрыве между тем, чего он жаждет, и тем дающим искусственным окружением, которое, мы, проектировщики, до сих пор для него создаем.

Сама по себе жизнь определяется нашим постоянным приспособлением к окружающей среде. Наука показала, что жизненные привычки всех организмов меняются в зависимости от их окружения. Как бактериальная культура в чашечке Петри должна для своего оптимального развития иметь соответствующую научно подобранную среду, а посаженный в горшок черенок герани требует для превращения в пышное растение соответствующих и контролируемых условий роста, так и человек — сложный, с обостренной чувствительностью — должен иметь для своего оптимального развития особую среду. Просто поразительно, что природа для этого используется так незначительно. Были написаны целые тома о том, в каких условиях могут быть лучшим образом выращены редкие виды орхидей; можно отыскать бесчисленные руководства о правильном выращивании и об уходе за морскими свинками, белыми крысами, золотыми рыбками и длиннохвостыми попугаями, но ничтожно мало было написано о характере физического окружения, соответствующего полнейшему и наилучшему развитию человека. Вот та увлекательная область

Вопреки техническому прогрессу, а может быть, благодаря его противоречиям, наше окружение, созданное, кстати, нами самими, проявляет зловещую тенденцию все больше и больше ускользать из-под нашего контроля. Чем дальше отходит человек от гармонической связи с природой, тем более пагубной становится окружающая нас среда.

Ричард Нейтра

исследования, которая должна развиваться как следствие более глубокого изучения природы самого человека.

Натуралист сообщает нам, что если поймать в ловушку лису или кролика, а затем держать их в клетке, то скоро ясные глаза зверька станут грустными, его шубка потеряет свой блеск, а его настроение будет ухудшаться. То же происходит и с человеком, который слишком надолго оторван от природы. Ибо человек рожден с любовью к чистому воздуху, наполняющему его легкие, к сухой тропинке, расстилающейся под его ногами, и к всепроникающему теплу солнца, ласкающего кожу. Он рожден с любовью к ощущению и запаху богатой теплой земли, ко вкусу и блеску чистой воды, к освежающей прохладе листвы над головой и к просторному голубому куполу неба. Далеко в глубине души человека-животного кроется жажда всего этого, желание, иногда непреодолимое, иногда дремлющее, но всегда существующее в нем.

Многими людьми много раз было сказано, что при всех прочих равных условиях наиболее счастливым человеком является тот, кто живет в наиболее тесной, наиболее полной гармонии с природой. Кое-кто может возразить: «Почему же не вернуть человека в леса? Пусть у него будет его вода, и земля, и небо!» Но является ли первобытный лес — сохранный, нетронутый или искусственно созданный — идеальной средой для человека? Вряд ли, ибо история человека — это история его бесконечной борьбы с силами природы с целью их улучшить. Постепенно улучшал он свой кров, обеспечивал более планомерное и разнообразное снабжение пищей и распространял свой контроль над окружающей средой, чтобы улучшить свой образ жизни.

Где же тогда выход? Возможно ли, что человек-изобретатель или проектировщик сумеет создать целиком искусственную среду, в которой он более полно использует свои возможности и более счастливо разрешить свою судьбу? Такой вариант, по-видимому, крайне сомнителен. Анализ наиболее удачных проектных решений показал бы, что человек не осуществлял улучшения своего окружения ни при помощи полного порабощения природы, ни при помощи предельно возможного восстановления природы до ее первоначального облика, ни путем отрицания природы, а достигал этого скорее всего путем гармоничного объединения своей работы с работой природы. Он может достигнуть этого объединения за счет слияния технических форм с естественными, за счет переноса природы — холмов, оврагов, солнечного света, воды, растений и воздуха — на проектируемые участки, и за счет обдуманного размещения своих сооружений среди холмов, вдоль рек и долин природного ландшафта.

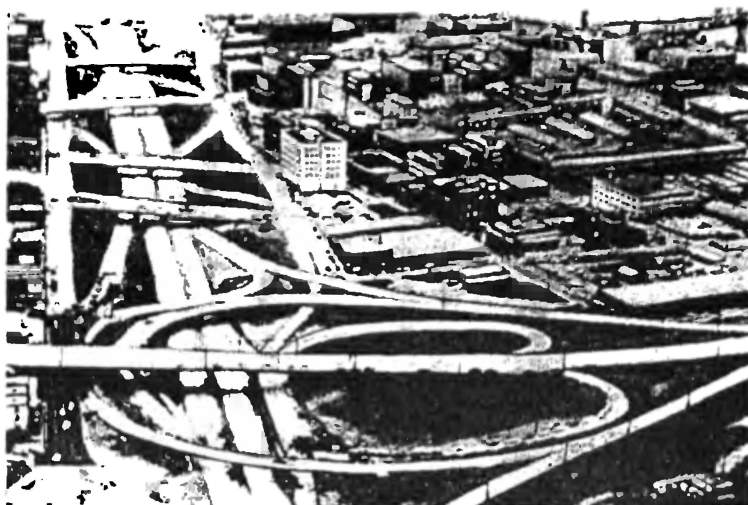
Возможно, человек является единственным существом, жаждущим порядка и красоты. Сомнительно, чтобы какое-либо животное наслаждалось «видом», созерцало бы великолепие древнего дуба или восхищалось бы очертаниями извилины линии берега. Человек ищет гармонию инстинктивно; его отталкивает беспорядок, безобразие и нелогичность. Может ли он быть удовлетворен, когда для наших крупных и мелких городов до сих пор характерны переполненные улицы, а не открытые парки? Когда железные дороги врезаются в наши жилые кварталы и делят районы на части? Когда грузовики громят мимо наших церквей и наших жилищ? Может ли он быть спокоен, когда путь наших детей в школу неоднократно пересекают несущие гибель транспортные пути? Когда транспорт должен утром и вечером проникать в город и выходить из него через забитые и шумные ущелья, хотя эти самые ущелья должны были бы быть зелеными свободными аллеями, ведущими в просторные пригороды и открытую сельскую местность?

Мы, проектировщики, должны учесть тот вызывающий беспокойство факт, что размещение нашего основного городского, пригородного и сельского строительства плохо продумано, оно разбросано и уродливо. В расположении населенных зон и магистралей нет логической взаимной связи, нет связи с нашими топографическими, климатическими, физиологическими и экономическими факторами. Мы развиваемся, да и дальше стремимся развиваться по

Успех проекта может быть полностью оценен только по его конечному результату и продолжительности жизни людей. Любая другая оценка архитектур, включая ландшафтную архитектуру и градостроительство имеет мало смысла, если вообще имеет.

Норман Ньютон

Человек оказался в западпо
своих собственных изобрете-
ний

частям, случайно, без логики. Где-то в созидательном творчестве мы допустили просчет.

В результате наблюдений мы можем установить, что правильное проектирование не достигается путем решения отдельной проблемы.

Совершенное проектирование решает каждую частную проблему как элемент цельной и неоспоримой концепции, которая, разумеется, должна быть очевидна для проектировщика. Говоря проще, целью проектировщика является создание для человечества лучшего окружения, лучшего образа жизни. Несомненно, если человек является продуктом окружающей среды, равно как и наследственности, то характер этой среды должен иметь для него первостепенное значение. Идеальное окружение должно быть миром порядка и

Обогащение естественного ландшафта умелым вмешательством человека

Истина заключается в том, что там где возникает общество — возникают также искусство и архитектура, без которых предметы «сохранения природы» не будут иметь смысла. Предохранение участков сельской местности от неведом стилистического освоения — не достаточно. Для того чтобы парки имели ценность, они должны обслуживать потребности общества. Помимо своего естественного предназначения эти участки должны быть использованы для строительства жилых и подсобных зданий, спортивных площадок, пляжей, зон игр, дабы обеспечить людей, по возможности, всеми радостями жизни. Создайте им свободную и рациональную архитектуру, которая выражала бы свободу их мысли и тела и удовлетворяла бы их социальные потребности! Пусть они имеют чистоту, свет, воздух и простор хорошо решенного внутреннего и внешнего пространства. Дайте людям возможность почувствовать очарование природы и разнообразия природы. Расчищайте, стройте, сохраняйте и озеленяйте для них! Проектируйте для людей, учитывая их желания и потребности!

Кристофер Таннард

ПРИРОДА

красоты, миром, где напряженность и неудобства в основном исчезли, где человек сможет достичь своего наивысшего развития.

Такое окружение никогда не может быть создано в окончательном виде, а будучи однажды созданным, оно не может быть сохранено в постоянной форме, оно должно быть изменяющимся по мере изменения требований человека. Идеал, по всей вероятности, никогда не будет достигнут, но проектирование, направленное к созданию идеального окружения, должно быть основной проблемой, наукой и целью для всех проектировщиков.

Все, что проектируется для человека, должно, безусловно, соответствовать его масштабу, удовлетворять его зрение, вкус слух, обоняние и осязание. Как проектировщики, мы имеем дело не только с участками, пространствами и материалами, не только с инстинктами и ощущениями, но также и с концепциями и идеями — продуктами человеческого разума. Наши проекты должны привлекать интеллект человека. Они должны осуществить его надежды и соответствовать его стремлениям.

Недостаточно приспособить окружение к человеку. Наме творчество должно удовлетворять потребности человека, доставлять ему удовольствие, создавать нужное настроение.

Обучая своих учеников искусству и науке убеждения, Аристотель считал, что для того чтобы привлечь человека, оратор должен сначала понять и познать его. И он дал им детальные характеристики мужчин и женщин различных возрастов и разного общественного положения. Архитектор-проектировщик также должен знать человека. Во все века проектирование велось исключительно для человека и не только отражало культуру и философию, но и активно формировало их.

Во власти современного человека с его обширными знаниями создать на этой земле рай, превосходящий самые прекрасные мечты. Но он терпит неудачу. И он будет терпеть неудачу до тех пор, пока его проекты задуманы с очевидным пренебрежением к природе и к ее принципам. Наиболее примечательной чертой нашего современного проектирования является не масштаб наших сооружений, не размах наших достижений, а скорее всего наше абсолютное пренебрежение к природе и презрение к рельефу, почвам, воздушным течениям, бассейнам рек и к нашему лесному и вообще растительному покрову. Проектировщики наших дней мыслят, имея в виду бульдозер, он проектирует с учетом тракторного скрепера. Миллионы миллионов акров хорошо орошаемой поросшей лесом холмистой земли были беззаботно срезаны и выровнены под участки для строительства жилья, фабрик и школ. Неудивительно, что так много наших городов и автострад представляют собой (с климатической точки зрения) бесплодные пустыни из стали и кирпича, а наши дома так часто окружены спекшими пространствами голого песка и сланца.

На мгновение кажется, что мы потеряли контакт с природой. Возможно, для того чтобы наше проектирование смогло развиваться дальше, нам следует оглянуться назад. Мы должны возродить прежнюю интуицию, заново усвоить старые истины. Мы должны вернуться к той целесообразности проектирования, с какой гоффер строит свое жилище и свой поселок, а бобр сооружает свою плотину. Нам необходимо вернуть то отношение к проектированию, которое свойственно фермеру, работающему изо дня в день на земле, полностью осознающему особенности природных сил, уважающему их и приспосабливающему их к своим целям. Мы должны заново открыть природу.

Природа раскрывается каждому соответственно его интересам. Натуралисту природа развертывает захватывающую дыханье картину чудес — паучьи тенета, птичье яйцо, лист папоротника.

Для горного инженера природа является труднодоступным и все же удивительным источником минералов — угля, меди, вольфрама, свинца, серебра.

Для инженера-гидротехника природа представляет собой неисчерпаемый резервуар энергии. Для инженера-конструктора природа в каждом своем произведении красноречиво демонстрирует универсальность принципов созданных ею форм, которые он стремится понять и применить в своей работе.

Для проектировщика природа раскрывает себя как вечный, живой, громадный и благоприятный фон и основа для каждого его проекта и схемы. Важно, чтобы он знал и понимал природу так же, как охотник, который чувствует себя дома на лоне природы — ищет из ее источников; использует ее укрытия, охотится; знает, когда дичь будет кормиться на хребтах гор орехами бука и желудями, а когда — ягодами в низинах; инстинктивно ощущает приближение бури и ищет укрытия. Так же, как моряк, который чувствует себя в море, как дома — определяет косяк рыб, ощущает песчаный нанос, знает, что предвещает состояние неба, и следит за изменяющейся формой дна океана. Так же и проектировщик должен быть хорошо знаком с природой, со всеми ее деталями, силами и формами, чтобы суметь установить природные характеристики, ограничения и наиболее полные проектные возможности любого большого пространства земли, локального строительного участка или целой зоны ландшафта. При такой осведомленности его проектирование сможет достигнуть сознательного и гармоничного развития. История дает нам вдохновляющие примеры гармонии жизни человека в преобразованной природе. Одним из таких примеров является город Киото в Японии.

Расположенный в национальном парке, состоящем из сосны и клена, Киото обращен к широкой долине реки, где чистая горная вода струится и плещется среди серых мшистых валунов. Здесь на террасах в определенном порядке размещены дома города, выполненные из камня, дерева и бумаги; каждое здание запроектировано с учетом всей территории и с великим мастерством вписано в участок земли, на котором оно расположено. В этом красивом городе каждый житель верит в свою землю. Каждое дерево, скала, родник рассматривается как особый дар природы, который надо сохранить и предельно развить на благо города, соседей и друзей. Здесь, если осмотреть этот лесистый город сверху или же пройти по его приятным улицам, ощущаешь наиболее полно смысл выражения «управление землей». Киото является городом величайшей гармонии, величайшего порядка и величайшей красоты, потому что начиная с общего замысла и кончая мельчайшей деталью, он запроектирован именно таким образом.

ЛАНДШАФТНЫЙ ХАРАКТЕР

Мы можем найти области, где наблюдается очевидная гармония между всеми элементами природы — поверхностью земли, строением скал, растительностью и даже жизнью животных. О таких районах можно сказать, что они обладают естественно возникшим гармоническим *ландшафтным характером*. Чем полнее и чем более явно это единство, тем сильнее ландшафтный характер.

Вообразим, что мы попали в уголок могучего ельника в штате Юта. Вокруг нас круто поднимаются вверх дикие, суровые склоны скал, оштетившиеся высокими, вздымающимися к небу шпильями зеленых елей. Глубокие тенистые ущелья завалены огромными валунами и упавшими деревьями. Тающий снег капает или сочится струйкой с расщелин, журчит под переплетенным лесным валежником. Прозрачная вода пенится и мчится с выступов в пропасть, ниспадая каскадами в тихое горное озеро, расположенное внизу; в озеро, глубоко синее в середине и бледнеющее до светлой зелени у берегов, покрытых гравием. Здесь все гармонично, все завершено. Даже бурый медведь, неуклюже пробирающийся по самому берегу, несомненно близок этому уголку природы. Скачущая форель, пробирающаяся по грязи морская ласточка, каркающая взлетающей вороны — все это составляет часть этой сценки, часть ее *ландшафтного характера*.

Сверкающая пустыня Аризоны, зловонное хлюпающее болото Джорджии, унылая безлюдная тундра Арктики, ровная водная гладь с островками осоки, расположенная недалеко от Барнега Бэй, — все имеет свой собственный определенный ландшафтный характер и вызывает у наблюдателя сильный эмоциональный отклик. Независимо от вида ландшафта и от того, какого рода настроение он у нас создает — оживление, грусть, ужас или благоговение, — мы получаем действительное удовлетворение от ощущения единства и гармонии всей картины в целом. Чем полнее это единство и гармония, тем больше удовольствие наблюдателя. Степень очевидной гармоничности или единства различных элементов ландшафта является не только мерой нашего удовлетворения, но и того качества, которое мы называем «красотой».

Имея в виду только видимые стороны характера участка, мы, казалось бы, при разности естественной ландшафтной зоны должны были бы сделать все возможное, чтобы сохранить и усилить ее природный ландшафтный характер. Поэтому мы должны были бы исключить те объекты, которые выпадают из общего характера, и могли бы даже ввести другие объекты, чтобы подчеркнуть его.

ИСКЛЮЧЕНИЕ НЕСОВМЕСТИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ. При всяком проектировании, как и в жизни, исключение несовместимых элементов обыкновенно приводит к улучшению.

Предположим, например, что мы зашли в лес гигантских секвой и стоим в тихом благоговении перед громадными устремленными ввысь красноватыми стволами в их вечном величии. И предположите затем, что на земле вы вдруг заметите тщательно возделанную грядку розовых петуний. Эти петунии на грядке пригородного сада могли бы произвести приятное впечатление. Но здесь, в лесу, они сначала вызвали бы у нас удивление, а потом и раздражение. Наш опыт подсказал бы нам, что в этом естественном лесу петунии не к месту, и если бы мы часто приходили на это место, возможно, и даже вероятно, что мы в конце концов выковыряли бы их поском ботинка. Мы исключили бы элемент, который находился в конфликте с естественным характером пейзажа.

Это положение еще ярче иллюстрируется случаем из собственного опыта автора. Будучи маленьким мальчиком, он обыкновенно проводил лето в лагере на озере Лейк Джордж, уютно расположенном среди кедров в лесной глуши штата Мичиган. У нижнего конца озера он отыскал местечко, которое стал считать своим собственным лягушачьим прудом. Это был просвет в зарослях камыша, заваленный обомшелыми бревнами и пнями и почти полностью покрытый листьями водяных лилий. Когда мальчик тихо пробирался сквозь заросли камыша, он обыкновенно следил за огромными зелено-черными лягушками, плавающими среди листьев или сонно сидящими на бревнах. Он охотился на лягушек ради их седел, которые очень ценились на семейном столе. Каждый день ходил он на пруд, час за часом лежал без движения на бревне с дубинкой в готовности, ожидая всплывающих лягушек. Это был идиллический мир запаха кедров, солнечного света, летающих стрекоз, плещущей воды и полной безмятежности. Однажды утром мальчик увидел, что в его лягушачье болотце попала сплюснутая желтая жестянка из-под масла, занесенная туда бурей. Он выбросил ее в заросли. На следующее утро она опять была на месте. Снова он выбросил ее, на этот раз дальше, но недостаточно далеко. Увидев однажды, как она вновь самодовольно плавает среди листьев лилий, он вытянул ее на берег и пошел за лодкой. Привязав жестянку веревкой, он дотянул ее до самой глубокой части озера, затем обухом топора пробил в ней сверху неровную дыру и, полный решимости, потопил ее. Наблюдая, как она медленно идет ко дну, он удивлялся, почему он был так сердит на этот старый ржавый металлический хлам.

Позднее, когда автор, обращаясь к прошлому, обдумывал этот пруд с точки зрения его ландшафтного характера, он в конце кон-